

УДК 008.009:39 (Национальное и интернациональное в культуре. Национальная идентичность и взаимодействие культур)

АПОФАТИКА КРАЯ В ПОЭМЕ ВАЛЕРИЯ ДУДАРЕВА «ПЕТУШКИ — КОХМА, ДАЛЕЕ НИГДЕ»

© 2021 М.А. Дударева, Н.З. Кольцова

Дударева Марианна Андреевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка № 2 факультет русского языка и общеобразовательных дисциплин, заведующая отделом литературоведения и межкультурной коммуникации

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Российский университет дружбы народов.

Москва, Московская область, Россия

Журнал «Невечерний свет/Infinite».

Санкт-Петербург, Россия

Кольцова Наталья Зиновьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы и современного литературного процесса

филологический факультет

E-mail: koltsovaru@rambler.ru

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва, Московская область, Россия

Статья поступила в редакцию 14.01.2021

Предмет статьи: апофатика художественного произведения. В статье рассматривается, как через художественное произведение реализуется апофатика культуры, проблема иеротопии. *Объект статьи:* поэма современного поэта В. Дударева «Петушки — Кохма, далее нигде», состоящая из тринадцати новелл. Многие писатели открыто обращаются к известным литературным сюжетам, что делает их произведения легко распознаваемыми. Однако в современной поэзии существуют примеры и латентного органичного усвоения вечных образов и сюжетов. Дударев, безусловно, обращается к поэме В. Ерофеева «Москва — Петушки», но вступает в творческий диалог-спор с классиком, что проявляется на сверхтекстовом уровне и связано с поисками отчего края, родного дома. *Методология работы:* целостный анализ художественных текстов в онтогерменевтическом ключе с привлечением семантического метода исследования. *Результаты:* в основе поэмы Валерия Дударева лежит сюжет метафизического путешествия и обретения главным героем малой родины, отчего края, который носит апофатический характер, что требует дополнительного культурологического комментария. Проведение параллелей с русской сказкой, обращение к ее иномирной парадигме представляется продуктивным, поскольку русский фольклор является неиссякаемым источником апофатического в русской культуре.

Ключевые слова: апофатика, отчий край, онтология, творчество Валерия Дударева, журнал «Юность», поэма Вен. Ерофеева, трансмиссия культуры, русский фольклор.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-76-92-97

Введение.

Сегодня ученые все чаще обращаются к проблеме апофатики, которая иррадирует во все исследовательские парадигмы и связана с философским [4], культурологическим [5], филологическим [9; 21] знанием. Непостижимыми оказываются в теологическом аспекте не только сущность Бога, но и разные Абсолюты культуры (например, феномен смерти [2]), науки (вспомним, что еще Ф.Бэкон считал необходимым усомниться в научных результатах, полученных его современниками). Русский духовный опыт преимущественно апофатичен, но и русская земля, география русской равнины, по справедливому замечанию В.П. Океанского, тоже апофатична [15, с. 241]. Здесь можно говорить, вслед за Г.Д. Гачевым, об особой организации русского космо-психо-логоса, горизонтальной, равнинной [3, с. 19], модели космоса, а также поставить вопрос об иеротопии, все больше волнующей исследователей в последнее время. Иеротопия, пожалуй, как и апофатика, воспринимается сегодня не как философская концепция, а как «способ видения,

позволяющий осознать существование особого пласта культуры, который состоял из множества конкретных проектов, подлежащих детальной реконструкции» [12, с. 71]. Автор концепции, А.М. Лидов, также указывает на необходимость выработки особой методологии, с помощью которой можно прочитывать сакральные пространства как текст культуры: «...сакральное пространство представляет собой особый тип исторического источника, методы исследования которого еще предстоит разработать» [12, с. 71]. Думается, что одним из методов может быть онтогерменевтический, когда мы говорим о создании сакрального пространства, выявлении *иеротопической* составляющей в художественном произведении.

Материалы и методы.

Поэма Валерия Дударева, с одной стороны, явно отсылает нас к известной поэме В. Ерофеева «Москва — Петушки», которую современный поэт очень любил и многое из которой знал наизусть, с другой стороны, не только продолжает ерофеевскую традицию метафизического движения от центра к периферии

(двенадцатая новелла названа «Ерофеев»), но и являет собой апофатическую попытку обретения творцом малой родины, *отчего края* — того подчеркнуто *нестоличного*, даже *негородского* пространства, которого у Дударева не было по биографическим причинам: коренной москвич, он всю свою жизнь провел в горячо любимом городе, возглавляя двенадцать лет литературно-художественный и общественно-публицистический журнал «Юность». Но поэт всем сердцем сожалел о том, что у него не было своей провинции — той заповедной, сокровенной малой родины, которая была у многих представителей нашей классики. Пушкинское Болдино, лермонтовские Тарханы, бунинский Елец и даже цветаевская Елабуга — все это теперь составляет сакральный текст отечественной культуры. И все же Валерий Дударев метафизически обрел в творчестве свой отчий край через маленький город в Ивановской области — Кохму (оттуда родом жена поэта). В этой связи объектом статьи выступает маленькая поэма современного поэта В.Дударева «Петушки — Кохма, далее нигде», состоящая из тринадцати новелл. Предметом исследования является *апофатическая реальность* произведения, в котором заглавной темой выступает тема *отчего края*, актуальная для отечественного художественного дискурса.

Тема родины крайне важна для русской философской и художественной мысли. Так, И. Ильин поиск отчего края связывает с мыслью сердечной: «...родина есть *нечто от духа и для духа*. И, чтобы постигнуть сущность родины, необходимо уйти вглубь своего сердца, проверяя и удостоверяясь, и обнять взором весь объем человеческого духовного опыта» [10, с. 515–516]. Если выражаться антропософским языком, с которым был знаком автор поэмы, то можно говорить об *имажинации* малой родины, Кохмы, которая случилась в творчестве Дударева и воплотилась в поэме о городе, в котором он никогда не жил, но обрел свою смерть (поэт лишь несколько раз приезжал в Кохму и в последний свой приезд подвел итог жизни). В новелле первой апофатически завлено:

Нам с тобой досталась малость,
Но она важна —
Кохма!
Кохмой называлась
Целая страна.

[6, с. 109]

С первых строк мы сталкиваемся с противоречием: Кохма — это *малость* и Кохма — это *целая страна*. Здесь уже не проблема противопоставления и противостояния периферии центру, как в случае с поэмой «Москва — Петушки», в которой, по наблюдению исследователей, это реализовано в полной мере [7, с. 29], а проблема иеротопии. Маленький провинциальный город преобразуется в страну, в центр (кохмо)футуризма, где вырастает новый человек:

На приступочке в малом провинциальном городе —
Место это даже крыльцо мне назвать —
Застыл человек, словно мошкав янтарном коробе,
Подставил ноздри солнцу и —ать! —
Стал — человек как человек,
Ни с кем не сравнимый,
И смотрит сквозь снег,
И снега мимо. [6, с. 110]

Этот человек вырастает внутри автора и его лирического героя, это, выражаясь антропософским языком, *второй человек*, и именно он обретает свой отчий край:

Я свое сердце выну —
И
Монументально,
Непоправимо,
Любви полна,
Тут же взойдет она —
Ни с кем, ни с чем не сравнима,
Ранняя, раненая весна. [6, с. 110]

Во второй новелле — скорбящих радость — мысль о родине объединяется с мыслью сердечной, они проникают друг в друга, образуя своего рода *духовный перихорезис*, который, по тонкому наблюдению философа В.В. Варавы, обнаруживаем в поэтике А. Платонова [1, с. 163] (безусловно, дорогого автора для Дударева). Через мысль о малой апофатической родине также проводится мысль о трансмиссии культуры, ее энтелехийной составляющей:

А Кохма — это просто кофта
Из кофт, что были и тогда —
В серебряные те года.
<...>
Среди забвений и угроз,
Среди родного пофигизма,
Среди придуманных берез
Жжет Кохма — центрфутуризма!

Собрав вечерний свой наряд,
Вот Кохма вздыбится огнями —
То кофты желтые горят,
То футуристы с нами. [6, с. 111]

Энтехию, вслед за Г.С. Кнабе, понимаем как пронизанность культуры кодами, архетипами прежних культур: «...поглощение определенным временем содержания, характера, духа и стиля минувшей культурной эпохи на том основании, что они оказались созвучными другой позднейшей эпохе и способными удовлетворить ее внутренние потребности и запросы» [11, с. 19]. Таким образом, в третьей новелле соединяются современное и вечное, бытовое (кофта) и надмирное (футуризм как идея о новом человеке и стране), и на этом перекрестье *мирского* и *священного* рождается иеротопия. Кохма в художественной и личной биографии поэта становится иеротопичной,

что выражается и в топонимах, в обращении к реке Уводи, чей речной торговый путь когда-то проходил через город:

Уходит Уводь к небесам,
Качаясь и алая.
Узришь и ты, качаясь сам,
Как гаснет Лорелея. [6, с. 111]

Обращение к немецкому топониму (Лорелея в переводе — «шепчущая скала») придает тексту фантастичность, кроме того, в этой новелле возникает апофатический свет:

Желтеют окон пятна.
Вот костерки,
вон огоньки —
И все,
и всем —
понятно. [6, с. 111]

Свет от окон превращается в свет *прозрения*. Свет вечерний преобразуется в свет не вечерний, или, как бы сказали апофатики, ночное недоступное знание становится (должно стать) дневным доступным [18]. Ведь художник (слова), по наблюдению французского философа Ж. Марьона, делает невидимое *видимым*, опускаясь за ватерлинию, по *ту сторону* видимого [13, с. 58]. Кроме того, автор прямо обращается к явлению несказанного (апофатического) света в новелле о философе Льве Шестове:

В Кохме читают философа Льва Шестова —
В Кохме чтут и любят такого.
Эта — одна из кохмских чудес примет!
Оттого и струится здесь, роково и шизово,
Над халупой любой тот несказанный свет.[6, с. 115]

Итак, чем дальше уходит вглубь Кохмы герой поэмы и чем дольше длится его путешествие, тем больше он утверждает в мысли, что Кохма — его малая родина. В пятой новелле особенно остро чувствуется потребность в обретении отчего края:

Я Кохмой иду.
Обретаются снова
Улыбки, приветы.
Живется легко!
Так в Вологде ждут не дождутся Рубцова,
Где так полногласно звучит «молоко».

О, я бы дождался!
Но Кохма — иное. [6, с. 112]

Кохма — *иное*, иномир, страна, которой нет, апофатический край. Неслучайно в поэме в заглавие вынесены не просто две географические точки, два топоса, места разворачивания действия, а словосочетание, в котором реализуется семантика невыразимого, столь характерная, по наблюдению М.Ю. Михайловой, и для русского фольклора, для русской волшебной сказки с формулами типа «иду

туда, не знаю куда» [14]. Герой Дударева уехал еще дальше героя Ерофеева, именно поэтому отправной точкой служит даже не Москва, а Петушки, — в этом есть продолжение и литературной традиции, и традиции метафизического путешествия *в никуда*. Конечно, это путешествие носит философский характер, в дороге обретаются новые смыслы, постигается подлинное бытие человека:

Под гроздь салюта — под залпы Авроры
Судьбой наливаются кровь и любовь.

Здесь жить интересней.
Мне жить интересней. [6, с. 112]

Шопенгауэр писал о философии и человеке, идущем этим сакральным путем: «Философия — высокая альпийская дорога; к ней ведет лишь крутая тропа чрез острые камни и колючие терния: она уединенна и становится всё пустынное, чем выше всходишь, и кто идет по ней, пусть не ведает страха, всё оставит за собою и смело прокладывает себе путь свой в холодном снегу. Часто приходит он внезапно к краю пропасти и видит внизу зеленую долину: властно влечет его туда головокружение; но он должен удержаться, хотя бы пришлось собственною кровью приклеить подошвы к скалам» [19, с. 3]. Прибегая к этой красивой метафоре о философии как тяжелом подъеме в гору, укажем и на сложность *дороги-пути* дударевского героя, и этот путь, безусловно, носит инициационный характер:

В Кохме ночи неслышнее,
Чем роса на лугу.
В звездах облако ближнее
Обратилось в деньгу.
<...>

Жил-был
Осип Емельевич —
Чуял Трою-страну.

Жил Сергей Александрович,
Поживал — гой еси!
Мы же грезы Кассандровы.
Трои — нет!
Нет — Руси! [6, с. 116]

В этом отрывке чувствуется вся боль героя поэмы за Русь, которую он прозревает (имагинативно) в Кохме и через Кохму. Этот путь-дорога носит фольклорный характер и сродни поиску «инога царства» из русской сказки: неслучайно у Мандельштама, к которому через толщу времен обращается путешествующий, меняется отчество (Эмильевич становится Емельевичем, тут припоминается народное «Мели, Емеля, твоя неделя»). Кроме того, в фольклорном апофатическом ключе автор поэмы обращается к своему горячо любимому предшественнику в двенадцатой, «подарочной» (так сам он ее определил для читателя), новелле:

Всем дарованы свыше:
И печаль, и печать —
Ерофеев не пишет:
Петушки либо Кохму
Как теперь выбирать?
От нее и оглохну,
И услышу опять —
Тишину над пригорком
В липком мареве горьком,
Где черникова прядь. [6, с. 116]

Здесь снова пробивается луч солнца, который и освещал человека в *янтарном коробе*, и заряжал своим светом *желтые* кофты футуристов, и ночные *окна Кохмы*. Густой реминисцентный слой поэмы не утяжеляет ее фактуры, а обращение к традициям столь разных поэтов и писателей, как Маяковский и Мандельштам, Есенин и Ерофеев, не привносит в текст элементов эклектики — прежде всего потому, что Дударев умеет «цитировать стилем» — вводить в текст узнаваемую *интонацию*, мелодию или ритмический рисунок (кстати, интонацию он всегда считал одним из главных компонентов в творчестве, неслучайно его сборник имеет заглавие «Интонации»). Однако не менее важным объединяющим началом текста выступает его фольклорная, игровая манера, напоминающая о детских считалках и песенках, манера, в равной степени пригодная и для безмятежного детского веселья, и для макабрического карнавала, — и именно эта, карнавальная, то есть в основе своей амбивалентная специфика и объединяет две поэмы. Как известно, М.М. Бахтин не принял финала ерофеевского произведения, увидев в нем «победу энтропии». Думается, дударевский текст во многом проясняет и суть ерофеевской концепции, возвращающей бахтинский «карнавал» к ивановскому дионисийству, не скрывающему свой страшный, поистине хтонический лик.

Именно потому дударевская поэма не только апофатична, но и танатологична, что обусловлено, разумеется, и творческой судьбой поэта, чья жизнь безвременно оборвалась в Кохме, и *апофатикой края*, которая актуализирует моральный подтекст:

Предрасветные блики
И в раю, и в аду.
Ерофеев великий,
Я тебя подожду.
Там, где Уводь осокой
Шелестит на ветру,
В волхованье высокоом
Обступают ветлу
Летописная мера,
Заповедная чужь.
В это трудно поверить,
Ну, хотя бы чуть-чуть. [6, с. 117]

Край всегда *апофатичен* и всегда связан со *смертью*. Страшна детская колыбельная про серого волч-

ка, предохраняющего малое дитя от края, — «не ложися на краю». В заглавии поэмы это также потенциально присутствует. В Кохме герой обретает свой отчий край, в который его стремительно привозит уже в тринадцатой, отрадной, новелле как бы сам Ерофеев:

Вон — электричка.
Скорей — в вагон!
Если вдруг в электричке
Стянут горе-вещички,
Которые ты зачем-то нажил,
Не грусти даже —
Хлебни водички,
Прекрасна твоя пропажа!

Ведь в Кохму все пути, все дороги — млечны.
Это Петушки вечны,
А Кохму надо создавать каждодневно. [6, с. 118]

И в этом финальном фрагменте раскрывается вся сущность иеротопии — создания сакрального пространства художником слова, который являет теургический процесс в Логосе. Однако конец поэмы кажется затемненным с точки зрения рациональной:

Лишь в Кохме моя царевна!

Но из Петушков в Кохму нет электричества.
Как же ты там, мое высочество, а может, величество?

Зато в Кохме певуч ночной тепловоз,
Добры собаки, печальны кони,
И на скамейке среди соловьев и роз
Мир ясен как на ладони. [6, с. 118]

С одной стороны, никакими путями-дорогами не добраться из Петушков в Кохму, с другой стороны, появление *прекрасной царевны* в конце поэмы не только в сюжетном отношении уподобляет поэму современного автора ерофеевской вещи, но и указывает, по крайней мере на типологическом уровне, на поиск «иноного царства» из русской сказки, целью которого было добыть *вещую невесту* (царевну), чудесный предмет, сакральные знания [8]. Но этот поиск и спуск *в иное* требуют искупительной жертвы и подразумевают под собою временную смерть. Конечно, здесь срабатывает и биографический момент — стоит обратить внимание на посвящение в начале поэмы, адресованное жене и появлению сына, который апофатически обозначен как *Pa¹* (от солнца, *солнечной земли*, которую ищет и обретает, по мысли философа Е.Н. Трубецкого, герой волшебной сказки, спускаясь в «иноное царство» [17, с. 17]).

Вывод.

Безвременный уход русского поэта Валерия Дударева из «Юности» и из жизни, который случился в маленьком городе с загадочным финно-угорским на-

¹ В реальной жизни сына поэта зовут Валериан.

званием Кохма, позволяет прочесть эту небольшую поэму в особом апофатическом свете. Мы видим тот особый случай, когда творчество и судьба теснейшим образом переплетаются, образуя *жизнетекст*, который не мешает пресловутостью биографического подхода исследователю, а способствует постижению онтологического смысла произведения. Привлечение ближнего (ерофеевского) и дальнего (русская сказка) контекстов продуктивно на всех уровнях анализа поэмы, в основе которой — тема обретения *отчего края*. Для героя Ерофеева Петушки — мечта, недостижимый предел [16, с. 191], для героя Дударева таковой является Кохма, но еще в более апофатическом свете.

Но благодаря художественному слову, наделенному теургической силой, Кохма становится фактом метаистории, а не просто географической точкой на карте (в одном из своих последних интервью, опубликованных в «Литературной газете», поэт говорит о метафизике места). Через художественную культуру, словесное творчество, мы постигаем проблему апофатики культуры, *апофатики отчего края*, связанного в русском варианте бытия с мыслью сердечной, сокровенным, образующих вместе особый «духовный перихорезис».

1. Варавва, В. В. А. Платонов в философии отчего края // Берегиня. 777. Сова. — 2010. — № 3 (5). — С. 161–168.
2. Варавва, В. В. Философская танатология или апофатическая философия? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. — 2013. — № 2 (145). — Вып. 23. — С. 112–117.
3. Гачев, Г. Д. Ментальности народов мира. — М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. — 544 с.
4. Грачев, В. И. Культурфеномена апофатики «Диалектики мифа» А. Ф. Лосева в контексте топохронно-аксиогенной парадигмы культуры [Электронный ресурс] // Культура культуры. — 2019. — № 3. — URL: <http://cult-cult.ru/cultures-the-phenomenon-of-apophatic-the-dialectics-of-myth-by-a-f-losev> (дата обращения: 11.01.2021).
5. Гуревич, П., Спирина, Э. Наука в горизонте апофатики // Философская антропология. — 2019. — № 1. — Т. 5. — С. 6–25.
6. Дударев, В. Петушки — Кохма, далее нигде // Нева. — 2018. — № 7. — С. 109–118.
7. Егоров, Е. А. Поэтика заглавия поэмы Вен. Ерофеева «Москва — Петушки» // «Москва — Петушки» Вен. Ерофеева: материалы Третьей международной конференции «Литературный текст: проблемы и методы исследования». — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. — С. 29–33.
8. Елеонская, Е. Н. Представление «того света» в сказочной традиции // Сказка, заговор и колдовство в России. — М.: Индрик, 1994. — С. 42–50.
9. Елепова, М. Ю. Эстетика В. А. Жуковского в апофатическом контексте // Дискуссия. — 2012. — № 4 (22). — С. 176–178.
10. Ильин, И. А. Путь духовного обновления. — Минск: Изд-во Белорусского экзархата Московского Патриархата, 2012. — 928 с.
11. Кнабе, Г. С. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. — 238 с.
12. Лидов, А. М. Иеротопия: создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исследования // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2009. — № 2. — С. 60–71.
13. Марьон, Ж.-Л. Перекрестья видимого. — М.: Прогресс-Традиция, 2010. — 176 с.
14. Михайлова, М. Ю. Художественная апофатика русского фольклора // Вестник Башкирского университета. — 2016. — Т. 21. — № 2. — С. 472–476.
15. Океанский, В. П. Человек и тотальность: поэтика пространства и ее кризис. — Иваново: ШГПУ, 2010. — 358 с.
16. Перепелкин, М. А. «Москва — Петушки»: от окраины к центру // Вестник Самарского университета. — 2010. — Т. 16. — № 5. — С. 190–195.
17. Трубецкой, Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. — М.: Тип. Боровичско-Валдайского Кустарного и Сельско-Хозяйств. Союзного Г-ва, 1922. — 48 с.
18. Тростников В. Апофатика — основной метод науки XXI века [Электронный ресурс]. — URL: <https://pravoslavie.ru/736.html> (дата обращения: 11.01.2021).
19. Шопенгауэр, А. Собр. соч.: в 6 т. — М.: ТЕППА — Книжный клуб; Республика, 2001. — Т. 6. — 352 с.
20. Dudareva, M. Apophatic elements in the poetry of S. A. Yesenin: Thanats' characters // AMAZONIA INVESTIGA. — 2019. — Vol. 8. — N 22. — P. 51–57.

АПОФАТИК OF A FATHERLAND IN VALERY DUDAREV'S POEM "PETUSHKI – KOKHMA, FURTHER NOWHERE"

© 2021 M.A. Dudareva, N. Z. Koltsova

*Marianna A. Dudareva, PhD in Philology, senior lecturer of the Department
of Russian language no. 2 of the FRYA and OD.*

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Peoples' friendship University of Russia.

Natalia Z. Koltsova, Candidate of Philology Associate Professor at the Department of the History of Contemporary Russian Literature and Contemporary Literary Process

E-mail: koltsovaru@rambler.ru

Faculty of Philology, Moscow State University by M.V. Lomonosov

Moscow, Russia

Subject of the article: apophatic of a literary work. The article examines how the apophatic of culture, the problem of hierotopy is implemented through a literary work. *Object of the article:* a poem of the contemporary poet V. Dudarev "Petushki – Kokhma, Further Nowhere", consisting of thirteen short stories. Many writers openly refer to well-known literary plots, which make their works easily recognizable. However, in modern poetry there are examples of latent organic assimilation of eternal images and plots. Undoubtedly, Dudarev refers to V. Erofeev's poem "Moscow – Petushki", but enters into a creative dialogue-dispute with the classic, which manifests itself at the super-textual level and is associated with the search for a fatherland, home. *Research methodology:* a holistic analysis of literary texts in an ontohermeneutic key with the use of a semantic research method. *Results:* Valery Dudarev's poem is based on the plot of a metaphysical journey and the main character finding a small homeland, a fatherland, which is apophatic in nature, and this requires additional culturological commentary. Drawing parallels with the Russian fairy tale, turning to its otherworldly paradigm seems productive, since Russian folklore is an inexhaustible apophatic source in Russian culture.

Keywords: apophatic, fatherland, ontology, Valery Dudarev's works, Yunost Magazine, poem by Venedikt Erofeev, culture transmission, Russian folklore.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-76-92-97

1. Varava, V. V. A. Platonov v filosofii otchego kraja (Platonov in the philosophy of the fatherland) // Bereginja. 777. Sova. — 2010. — № 3 (5). — S. 161–168.
2. Varava, V. V. Filosofskaja tanatologija ili apofaticheskaja filosofija? (Philosophical thanatology or apophatic philosophy?) // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo. — 2013. — № 2 (145). — Vyp. 23. — S. 112–117.
3. Gachev, G. D. Mental'nosti narodov mira (Mentality of the peoples of the world). — M.: Algoritm; Jeksmo, 2008. — 544 s.
4. Grachev, V. I. Kul'turfenomen apofatiki «Dialektiki mifa» A. F. Loseva v kontekste topohronno-aksiogennoj paradigmy kul'tury (The cultural phenomenon of apophaticism "Dialectics of myth" by AF Losev in the context of the topochronous-axiogenic paradigm of culture) [Elektronnyj resurs] // Kul'tura kul'tury. — 2019. — № 3. — URL: <http://cult-cult.ru/cultures-the-phenomenon-of-apophatic-the-dialectics-of-myth-by-a-f-losev> (data obrashhenija: 11.01.2021).
5. Gurevich, P., Spirova, Je. Nauka v gorizonteapofatiki (Science in the horizon of apophatic) // Filosofskaja antropologija. — 2019. — № 1. — T. 5. — S. 6–25.
6. Dudarev, V. Petushki — Kohma, dale nigde (Petushki - Kokhma, nowhere else) // Neva. — 2018. — № 7. — S. 109–118.
7. Egorov, E. A. Pojetika zaglavija pojemy Ven. Erofeeva «Moskva — Petushki» (Poetics of the title of Ven's poem. Erofeeva "Moscow - Petushki") // «Moskva — Petushki» Ven. Erofeeva: materialy Tre'ej mezhdunarodnoj konferencii «Literaturnyj tekst: problem i metody issledovanija». — Tver': Tver. gos. un-t, 2000. — S. 29–33.
8. Eleonskaja, E. N. Predstavlenie «togo sveta» v skazochnoj tradicii (Representation of the "other world" in the fairytale tradition) // Skazka, zagovorikoldovstvo v Rossii. — M.: Indrik, 1994. — S. 42–50.
9. Elepova, M. Ju. Jestetika V. A. Zhukovskogo v apofaticheskom kontekste (Aesthetics of VA Zhukovsky in an apophatic context) // Diskussija. — 2012. — № 4 (22). — S. 176–178.
10. Il'in, I. A. Put' duhovnogo obnovenija (The path of spiritual renewal). — Minsk: Izd-vo Belorusskogo jekzarhata Moskovskogo Patriarhata, 2012. — 928 s.
11. Knabe, G. S. Russkaja antichnost': Soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo nasledija v kul'ture Rossii (Russian Antiquity: Content, Role and Fate of Ancient Heritage in Russian Culture). — M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2000. — 238 s.
12. Lidov, A. M. Ierotopija: sozdanie sakral'nyh prostranstv kak vid tvorcestva i predmet issledovanija (Hierotopy: the creation of sacred spaces as a type of creativity and a subject of research) // Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii za rubezhom. — 2009. — № 2. — S. 60–71.
13. Mar'on, Zh.-L. Perekrest'ja vidimogo (The crosshairs are visible). — M.: Progress-Tradicija, 2010. — 176 s.
14. Mihajlova, M. Ju. Hudozhestvennaja apofatika russkogo fol'klora (Artistic apophatics of Russian folklore) // Vestnik Bashkirskogo universiteta. — 2016. — T. 21. — № 2. — S. 472–476.
15. Okeanskij, V. P. Chelovekitotal'nost': pojetika prostranstva i ee krizis (Man and Totality: Poetics of Space and Its Crisis). — Ivanovo: ShGPU, 2010. — 358 s.
16. Perepelkin, M. A. «Moskva — Petushki»: otokrainy k centru ("Moscow - Petushki": from the outskirts to the center) // Vestnik Samarskogo universiteta. — 2010. — T. 16. — № 5. — S. 190–195.
17. Trubeckoj, E. N. «Inoecarstvo» i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke ("Another kingdom" and its seekers in the Russian folk tale). — M.: Tip. Borovichsko-Valdajskogo Kustarnogo i Sel'sko-Hozjajstv. Sojuznogo T-va, 1922. — 48 s.
18. Trostnikov V. Apofatika — osnovnoj metod nauki XXI veka (Apofatika - the main method of science of the XXI century) [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://pravoslavie.ru/736.html> (data obrashhenija: 11.01.2021).
19. Shopengaujer, A. Sobr. soch.: v 6 t. (Collected works: in 6 volumes) - M.: TERRA — Knizhnyj klub; Respublika, 2001. — T. 6. — 352 s.
20. Dudareva, M. Apophatic elements in the poetry of S.A. Yesenin: Thanats' characters (Apophatic elements in the poetry of S. A. Yesenin: Thanats' characters) // AMAZONIA INVESTIGA. — 2019. — Vol. 8. — N 22. — S. 51–57.